

И.А. Поплавская

СИБИРЬ В РЕЦЕПЦИИ ЛИЦЕИСТОВ ПУШКИНСКОГО ВЫПУСКА¹

В статье представлено восприятие Сибири лицеистами пушкинского выпуска Илличевским, Матюшкиным, Пуцциным и Кюхельбекером. Анализируется рецептивная модель «петербуржца в провинции», исследуются реформаторские проекты Сперанского, связанные с интеграцией Сибири в состав Российской империи. Предметом специального рассмотрения становятся концепция о цивилизующей роли империи в освоении Сибири Матюшкина, федералистская программа развития региона Пуццина, эстетическое и религиозно-философское восприятие Сибири Кюхельбекером. Сибирские впечатления выпускников Лицея формируются в связи с «лицейским текстом» русской литературы первой половины XIX в.

Ключевые слова: Сибирь, рецепция, лицеисты, пушкинский выпуск, А.Д. Илличевский, Ф.Ф. Матюшкин, И.И. Пуццин, В.К. Кюхельбекер, М.М. Сперанский, «лицейский текст» русской литературы.

В деле строительства русской культуры первой половины XIX в. особое место отводится Царскосельскому лицей (1811–1817) и его первым выпускникам. Согласно «Высочайше утвержденному постановлению о Лицее», опубликованному 12 августа 1810 г., это учебное заведение закрытого типа уравнивалось в правах с российскими университетами [1]. Расположенный в Царском Селе, загородной резиденции российских императоров, Лицей находился под особым покровительством царской семьи и воспринимался как модель учебного заведения нового типа. В основе этой модели лежит концепт дома, отражающий новые историко-культурные реалии эпохи Александра I [2]. Отношение к Лицею как к дому-семье, как к общению единомышленников, союзу воспитанников и наставников, союзу государя и его подданных, формирование нового типа личности, отличающейся выраженным гуманистическим сознанием, нацеленной на

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 17-14-70002 а(р) «Русские писатели в Томске: томский локальный текст и региональный литературный процесс».

активное жизнестроительство и самостроительство, наделенной чувством гражданского мессианизма, – все это во многом подготовило появление в русской культуре целого созвездия лицеистов первого выпуска: поэтов А.С. Пушкина, А.А. Дельвига, В.К. Кюхельбекера, декабриста И.И. Пущина, дипломата, министра иностранных дел А.М. Горчакова, генерала В.Д. Вольховского, адмирала, полярного исследователя Ф.Ф. Матюшкина, директора Императорской Публичной библиотеки М.А. Корфа.

Жизнь четырех лицеистов пушкинского выпуска: А.Д. Илличевского, Ф.Ф. Матюшкина, И.И. Пущина, В.К. Кюхельбекера – в разное время оказалась связана с Сибирью и Томском. Их восприятие Сибири раскрывает разные идеологические, поведенческие и эстетические концепции, связанные с осмыслением имперского, колониального и национального в русской истории и литературе первой половины XIX столетия.

I

Известно, что в 1804 г. была образована Томская губерния, входившая ранее в состав Тобольской. В 1812 г. при прямом содействии М.М. Сперанского томским гражданским губернатором был назначен Демьян Васильевич Илличевский, отец лицеиста Алексея Илличевского (1798–1837).

Восприятие Сибири Алексеем Илличевским представлено уже в его лицейском эпистолярии. Так, в письме к своему другу по петербургской гимназии П.Н. Фуссу от 27 июля 1814 г. Илличевский пишет:

У вас теперь каникулы: тебе, я думаю, весело! И я бы мог проводить также весело время, когда бы не лишен был удовольствия видеть своих родителей, которые живут теперь в Томске, где папенька губернатором, за 4500 верст отсюда! Каково расстояние? Часто случается, что по два месяца не получаю от них писем [3. С. 77].

В этом письме важны пространственно-временные характеристики Российской империи, объединяющие Петербург и Томск, столицу и провинцию. Упоминание о двух месяцах, отделяющих время написания и получения письма, раскрывает ритм бытовых и культурно-коммуникативных связей между европейской частью России и Западной Сибирью. Для Илличевского Сибирь в это время становится знаком известной «запредельности» и одновременно интимности пространства Российской империи, которое «переживается» им через семейно-родовые связи. Как Лицей, так и Сибирь воспринимаются юным лицеистом в качестве аналогов большого и малого Дома.

После окончания Лицея Илличевский был определен на службу в Министерство финансов. Однако вскоре он подает в отставку и с 1 декабря 1817 г. числится чиновником Сибирского почтамта в Тобольске с постоянным проживанием в Томске. Сохранилось письмо от 4 апреля 1818 г., отправленное Илличевским из Томска в Петербург и адресованное В.К. Кюхельбекеру. В нем автор пишет:

С величайшим нетерпением ожидал я ответа на мое письмо к вам от 24 января <...> Мне весьма странно слышать, что наш барон (А.А. Дельвиг. – *И.П.*) называет Малороссию скучною стороною – Малороссию, российскую Италию, Аркадию, все что вам угодно. <...> Не знаю, какова ему покажется наша Сибирь, если исполнится его предположение к нам приехать – чуть ли Урал и Иртыш не произведут одно действие с Днепром и Городнею. <...> Впрочем нечего пугаться Сибири, везде есть умные люди и милые девушки – для меня так и в холодной Сибири тепло – и в Петербург возвращаться я еще не думаю. Одно только, чем столица имеет перед провинциями выгоду, – это литературные, театральные, политические <...> и всякого рода интересные новости. Для меня до многих нет нужды, – но литература все еще имеет меня покорнейшим слугой! Хотя, например, вы давно читаете Историю Карамзина, восхищаетесь, судите и слышите о ней суждения умных людей – мы же ни того, ни другого! – и знаем о ней только по газетам – когда-то получим мы экземпляры, за которые из одной Томской губернии послано до 4000 р.!! <...> Пишите о себе и своих произведениях <...> не дожидаясь моего ответа, который всегда придет через три месяца. Ранее нельзя за расстоянием [4. С. 151–153].

Как видно из письма, Илличевский, живя в Томске, осознает себя человеком фронта и выстраивает свое поведение по модели «петербуржца в провинции», осуществляющего культуртрегерские функции. Упоминание в нем «Истории» Карамзина не кажется случайным. Рецепция Сибири Илличевским вписывается в контекст большой истории государства Российского и получает через сравнение с Малороссией имагологическое и одновременно культурно-эстетическое измерение. Сопоставление-противопоставление Малороссии и Сибири как провинции по отношению к центру дополняется указанием на временные сроки (три месяца), обеспечивающие ритм коммуникации между столицей и сибирским регионом и служащие основой для особого восприятия пространства и времени в литературе и публицистике Сибири и о Сибири.

В этом же письме формируются основы культурного мифа о Лицее и лицеистах пушкинского выпуска. Константой этого мифа становятся образы дома, семьи, дружеского круга и творчества, получающие и индивидуальное, и коллективное, и культурно-историческое осмысление. В его структуре важная роль отводится и Сибири с ее «красою дикой» и с всеоживляющей весной, как она представлена, например, в послании Дельвига «К Илличевскому. (В Сибирь)» (1818). Ср.:

... друг далекий мой <...>
По почте мне отправит пени
Наместо нежных уверений,
Что он и в дальних тех странах
Своих друзей не забывает,
Где мир, дряхлеющий во льдах,
Красою дикой поражает;
Что, как мелькнувшая весна
Там оживляет все творенье,
Так о друзьях мечта одна
Его приводит в восхищенье... [5. С. 101–102].

Живя в Томске, Илличевский продолжает заниматься литературой. В 1819 г. он избирается членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В 1820–1821 гг. печатает свои поэтические произведения в журнале «Благонамеренный» под псевдонимом «Томск». Томский период жизни Илличевского связан с еще одним важным событием. 6 июля 1819 г. в Томск прибыл М.М. Сперанский (1772–1839), «крестный отец» Лицея, исполнявший в это время должность сибирского генерал-губернатора. Ранее Сперанский как реформатор и сторонник конституционной монархии был известен такими своими записками и проектами, как «Размышления о государственном устройстве империи» (1802), «Первоначальное начертание особенного Лицея» (1808), «Введение к уложению государственных законов» (1808). Разработка Сперанским «Сибирского уложения» как основы реформирования управления этим регионом, принятие нормативных документов, в числе которых «Общее учреждение для местного управления Сибири», предусматривающее разделение Сибири на Западную и Восточную, «Общий устав об управлении сибирских инородцев», «Устав о ссыльных», «Устав о городских казаках» и др., имели целью изменить судьбу Сибири, превратить это огромное пространство из колонизируемой окраины

в полноценную территорию в составе Российской империи, мало чем отличавшуюся от европейской части страны [6. С. 92]. Близкое знакомство Илличевского-младшего со Сперанским в Сибири приводит к утверждению в его творчестве концепции о цивилизующей роли империи в освоении и управлении «землей неизвестной», о включенности ее в ход мировой истории благодаря вхождению в состав Российской империи [Там же. С. 93]. Эта точка зрения получила, в частности, отражение в приписываемом Илличевскому «Канте на возвращение в Томск Михаила Михайловича Сперанского» (1820). В нем через разветвленную систему метафор подвергается мифологизации личность и деятельность Сперанского в период его пребывания в Сибири: «Гений благ», создатель «скрижали закона», носитель «благ неистощимых», податель милости, животворитель «надежды всех», через использование высокой лексики, а также ветхозаветной и новозаветной образности [7. С. 123].

Деятельность Сперанского на посту генерал-губернатора Сибири в 1819–1821 гг., приветственные стихи в его честь, которые звучали почти в каждом городе, где ему пришлось останавливаться, записки и письма Г.С. Батенькова о совместной поездке с ним по региону, наконец, многочисленные легенды и воспоминания о его пребывании в Сибири – все это в известной мере способствовало становлению региональной литературы и публицистики в Сибири в первой половине XIX в.

Илличевский прожил в Томске около двух с половиной лет, с января 1818 г. до лета 1820 г. Из материалов Вольного общества любителей российской словесности становится известно, что 20 января 1821 г. он читал в Петербурге в собрании этого общества свою басню «Дервиш» [8. С. 760]. День лицейской годовщины 1822 г. отмечался на квартире Илличевского в Петербурге, о чем свидетельствует стихотворение Дельвига под названием «19 октября 1822»:

Что Илличевский не в Сибири,
С шампанским кажет нам бокал,
Ура, друзья! В его квартире
Для нас воскрес лицейский зал [5. С. 115].

При жизни Илличевского вышел единственный сборник его стихов «Опыты в антологическом роде» (1827). В предисловии к нему автор пишет о «легкой поэзии» как особом роде литературы, которая «приносит пользу языку и образованности» и является частью национального историко-культурного процесса и основным

направлением его собственного творчества. Сохраняющийся интерес к этому роду литературы он обосновывает тем, что «просвещенная любовь к искусствам, ничем не ограничиваясь и не презирая никакой отрасли словесности, – с любопытством замечает успехи оной во всех родах» [9]. Наиболее значимые стихотворения из этого сборника – «К портрету поэта В.А. Жуковского», «К брату», «Песочные часы», «Желания мудрого», «К воспоминанию». Сохранились сведения об общении Пушкина с Илличевским у Дельвига в 1827 г., об их встречах на лицейских годовщинах 1828, 1832, 1836 гг., о подаренной Пушкиным Илличевскому II главы с надписью «Другу Олесееньке от Француза» [10. С. 171]. Умер Илличевский, как известно, в один год с Пушкиным, 6 октября 1837 г. в Петербурге.

II

Около четырех лет находился в Сибири другой лицеист пушкинского выпуска – Ф.Ф. Матюшкин (1799–1872). После окончания Лицея он был определен на военный шлюп «Камчатка» под начальство известного мореплавателя В.М. Головнина. Вместе с ним в 1817–1819 гг. Матюшкин совершает свое первое кругосветное путешествие. Весной 1820 г. Ф.П. Врангель, также участвовавший в кругосветном плавании на «Камчатке», предложил Матюшкину отправиться с ним на северо-восток Сибири. В составе Колымского отряда научной экспедиции Врангеля он в 1820–1823 гг. исследовал северные районы Восточной Сибири и побережье Восточно-Сибирского моря. Известно, что Врангель произвел съемку берегов Сибири от устья реки Индигирки до острова Колючина и тем окончательно разрешил вопрос о том, соединяется ли Америка с Азией к северу от Берингова пролива. Мичман же Матюшкин проводил исследования берегов рек Большой и Малый Анюй и тундры к востоку от Колымы. Впоследствии Врангель назвал один из описанных им мысов в Чаунской губе мысом Матюшкина [11. С. 196].

В качестве офицера-исследователя Матюшкин воспринимается одновременно как идеолог и практик в освоении новых территорий Российской империи. Известно, что Матюшкин выехал в Сибирь в марте 1820 г. Сохранились письма из его сибирской экспедиции, адресованные директору Лицея Е.А. Энгельгардту. 7 мая 1820 г. Матюшкин прибыл в Томск, где состоялась его встреча с Илличевским, а 23 мая он уже был в Иркутске, где произошло его знакомство со

Сперанским и Батеньковым. В своих записках Матюшкин так вспоминал об этой встрече:

На другой день после моего приезда в Иркутск я явился к Михаилу Михайловичу по долгу службы. <...> Мои ответы ему были дерзки и молоды. Так, например, на вопрос, как мне нравится Сибирь и какое она сделала на меня впечатление, я отвечал, что вижу в ней – Россию через сто лет: образованность и довольство крестьян, приветливость и бескорыстную услужливость чиновников, порядок на станциях, прекрасные дороги, невероятную честность и пр. [12. С. 219–220].

В рецепции Сибири Матюшкиным акцентируется ее колониальный статус, ее отставание от центра в экономическом и культурном отношении, поэтому Сибирь видится ему как «Россия через сто лет».

Одновременно в восприятии Сибири он придерживался и транс-континентальной концепции, согласно которой регион – это возможный центр единого Евро-Азиатско-Американского континента, связующее пространство между Россией и Америкой через крайний северо-восток Сибири, между Старым и Новым Светом. Об этом, в частности, упоминает и Сперанский в письме к дочери от 28 мая 1820 г. из Иркутска. Он пишет:

Ко мне прислали две партии молодых морских офицеров для открытий по Ледовитому морю. <...> Есть действительно признаки большого острова, а может быть, и земли, соединяющей Сибирь с Америкой. Со временем можно будет ходить пешком чрез Иркутск в Бостон и Филадельфию [13. С. 1758–1759].

Письма Матюшкина, посвященные его пребыванию в Сибири, во многом напоминают путевой дневник. Основу его составляет индивидуальное переживание автором пространства и времени в Сибири в их взаимной соотнесенности и в сравнении с пространством Центральной России. Ср.:

Из Тары в Каинск 353 версты мы проехали сутки, здесь этому не удивляются.

Плавание по Лене спокойно и довольно поспешно, особливо весною (но мы делали в сутки не более 150 в.).

В последний день моей верховой езды я хотел, несмотря на холод, сделать 150 верст до Омолону. Я ехал весь день и ночь [14. С. 351, 358, 377–378].

Восприятие времени и пространства передает внутренний ритм жизни Матюшкина в Сибири и одновременно формирует своего рода мегаобраз этого региона и Российской империи в целом в сознании автора и читателя. Ср., например, фрагменты в его письмах Е.А. Энгельгардту:

Через неделю Вы уже ни строчки не услышите и не получите от меня – будущее письмо мое будет (№ 10) от 1 мая 1821 года, а Вы его получите 1 декабря.

...здесь нависла над нами скала, седые волны омывают подножие, она, кажется, грозит ежеминутно падением своим, между тем проходят века, и всеокрушающее время не смеет ее коснуться. <...> Вот отрывок красноречивейшей галиматши. Вы видите, Егор Антонович, что я еще не забыл уроки Н.Ф. (Н.Ф. Кошанского. – *И.П.*), помню их через три года и 8000 верст [14. С. 357–358].

Все письма Матюшкина из Сибири основаны на хорошем знании фактического материала и снабжены многочисленными рисунками и схемами, изображающими виды Иркутска, Якутска, берегов Лены, северное сияние, путь следования экспедиции. Вместе с тем в описании Сибири у Матюшкина преобладает научно-художественный подход, и не случайно фрагмент его письма от 6 августа 1821 г. был впоследствии опубликован в альманахе «Мнемозина» за 1824 г. под названием «Извлечение из письма к Е.А. Э.....у» за подписью «Ф.М.». В нем упоминается Д.И. Павлутский, офицер, руководивший военными экспедициями на Чукотку в 1730–1740-х гг. В письме Матюшкин приводит фрагмент перевода чукотской поэмы, рассказывающей о колонизации Российской империей северо-востока Сибири. Ср.:

Старик Коркин между прочим пел нам о походах Павлутского на природном своем языке <...> вот оригинальная поэма! Она начинается повелением дочери солнца (Тырекирим), т.е. Императрицы Е л и с а в е т ы идти Павлутскому против Чукчей. – Далее: прощание его с женою и детьми. – Приезд в Нижнеколымск. – Набор команды. Потом его поход, сражения – смерть [15. С. 173].

Экспедиция Врангеля в северо-восточной части Сибири продолжалась в течение четырех лет, с 1820 по 1824 г. После этого им был напечатан отчет, изданный в Петербурге в 1841 г. в двух частях. В каждую из частей вошли отдельные главы и отчеты мичмана Матюшкина о его самостоятельных экспедициях. В отчетах Матюшки-

на много места занимает этнографический материал, включающий в себя описание внешнего вида, одежды, жилищ, религиозных обрядов, культуры и языка чукчей, юкагиров, тунгусов, якутов и других народностей крайнего Севера. Все это воспроизводило национальные и социальные особенности местного колорита, который затем занял значительное место в литературе и публицистике Сибири. Так, например, описывая жизнь чукчей, он отмечает:

Как и другие народы Сибири, чукчи имеют немногие потребности, легко удовлетворяемые произведениями оленьих стад, которые дают им жилища, пищу и все, что требуется для кочевой их жизни. <...> Легко и хладнокровно переносят они все недостатки и лишения и не завидуют другим, видя, что за необходимые удобства и удовольствия жизни надобно отказаться от своей природной независимости [16. С. 180].

Такая взаимосвязь образа жизни народов Северо-Восточной Сибири с природными и климатическими условиями воспринимается как значимый эстетический факт в литературе Сибири и в литературе о Сибири. Кроме того, автор пытается воспроизвести некоторые черты национальной психологии этих народностей. О тех же чукчах он говорит:

... хладнокровие и вообще обдуманность, составляющая отличительную черту характера чукчей, дает им на торге большое преимущество перед русскими... [16. С. 178].

Во второй половине 1823 г. после завершения экспедиции Матюшкин отправляется в обратный путь. Известно, что уже 26 декабря он был в Казани, откуда отправил очередное письмо Энгельгардту. Пребывание Матюшкина в Восточной Сибири послужило одним из источников сведений об этом регионе для русской литературы и культуры первой половины XIX в. Об этом свидетельствуют и фрагмент его письма, опубликованный в «Мнемозине», и регулярная переписка его с Энгельгардтом, и упоминания о сибирской экспедиции Матюшкина в письмах к нему И.И. Пущина. Ср. письма Пущина Матюшкину:

Как бы тебе опять отправиться описывать какой-нибудь другой мыс Матюшкин, – тогда бы и меня нашел – иначе вряд ли встретимся. Со мной здесь один твой знакомец, Муравьев-Апостол, брат Сергея – нашего мученика (речь идет о декабристе Матвее Ивановиче Муравьеве-Апостоле (1793–1886), жившем в Ялуторовске с 1836 г. – *И.П.*); он видел тебя у Корниловича, когда ты возвратился из полярных стран; шлет тебе

поклон – а я в Энгельгардтовой книге имею твое описание ярмарки в Острове (от 25 января 1852 г. из Ялуторовска).

Приветствует тебя Матвей Муравьев, он помнит твои рассказы по возвращении из сибирской экспедиции. Один он только тебя знает из здешних моих товарищей ялуторовских» (от 9 сентября 1852 г.) [17. С. 259, 263].

III

Из всех лицеистов пушкинского выпуска дольше всех оказались связаны с Сибирью декабристы Пущин (1798–1859) и В.К. Кюхельбекер (1797–1846). Рецепция Пушиным Сибири, в которой он прожил тридцать лет, с 1827 по 1856 г., осуществляется через образ семьи, понятой как общность судьбы декабристов, находящихся здесь в ссылке, а также как общность, основанная на родовых, социальных, политических и культурных связях. Ссылный Пущин воспринимает Сибирь вначале как дом-тюрьму, как «тюремную семью», как «Петровский союз». Позднее, в 1839–1855 гг., живя на поселении в Туринске и Ялуторовске, он пишет уже о «сибирской семье», «союзниках», артельном братстве. Поведенческая модель «Маремьяна-старичи» как «собирателя» и «летописца» сибирской жизни реализуется, в частности, в его переписке со ссылными декабристами и практической помощи им. См., например, его письмо Энгельгардту от 26 февраля – 12 июля 1845 г. из Ялуторовска:

А почтовый день у меня просто как в каком-нибудь департаменте. Непременно всякую почту пишу и получаю письма. Сношения с родными, друзьями утешительны. Надобно быть в Сибири, чтобы настоящим образом понять эту отраду. В эти годы накопилась целая библиотека добрых листков – погодно переплетены. Читайте сами, сколько томов составилось. Часто заглядываю на эту полку с усладительным чувством. Судьба меня балует дружбою, мною не заслуженной [17. С. 202].

Можно сказать, что письма Пущина и письма декабристов к нему представляют своего рода «энциклопедию тридцатилетней сибирской эпопеи декабристов». В то же время восприятие судьбы самого Пущина и судеб отдельных ссылных декабристов символически соотносится в его письмах в этот период с евангельским сюжетом о блудном сыне. В данном сюжете Сибирь связана с лиминальной стадией в его развитии, вызывающей ассоциации с нравственной или с физической смертью. Как верно отмечает в этой связи В.И. Тюпа, «мифологизация Сибири как лиминального про-

странства русской культуры окончательно сложилась благодаря отправке на каторгу декабристов, что стало парадигмальным явлением российской истории». При этом сама ситуация телесного умирания в зауральских просторах «может оказаться залогом духовного рождения заново» [18. С. 29].

В федералистском проекте Пушина Сибирь сближается с Американскими Штатами. Основой тому выступает отсутствие в ней крепостного права и наличие богатых природных ресурсов. Об этом Пушкин говорит, в частности, в письме к Энгельгардту от 26 февраля – 12 июля 1845 г. Он отмечает, что управление в Сибири «то же самое, что и за Уралом, с одною только существенною, коренною выгодною: нет крепостных. Это благо всей Сибири, и такое благо, которое имеет необыкновенное полезное влияние на край и, без сомнения, подвигнет ее вперед от России. Я не иначе смотрю на Сибирь, как на Американские Штаты. Она могла бы тотчас отдделиться от метрополии и ни в чем не нуждалась бы – богата всеми <дарами> царства природы. Измените несколько постановлений, все пойдет улучшаться» [17. С. 198]. В таком восприятии Сибири отразилась сущность реформаторской идеологии Пушкина-декабриста.

Через всю сибирскую переписку Пушина проходят образы Лицея, лицейского братства, лицеистов-«чугунников» и лицейских годовщин. Письма его постоянных лицейских корреспондентов – Энгельгардта, Малиновского, Матюшкина, Кюхельбекера – включаются в живой «устный» контекст, который создается из воспоминаний, чтений стихов Пушкина и других лицейских поэтов, из рассказов и бесед самого Пушина с декабристами и членами их семей. Так, например, в письме к Энгельгардту от 4 декабря 1837 г. из Петровского завода Пушкин сообщает:

Как водится, 19 октября я был с вами, только еще не знаю, где и кто из наших вас окружал. Тут у меня обыкновенно рассказы, которые и между товарищами находят сочувствие. <...> Хотелось бы подать голос бедному Вильгельму, он после десятилетнего одиночного заключения поселен в Баргузине и там женился. <...> Верно, мысли наши встретились на разных точках Сибири; некоторые воспоминания не стареют, а укрепляются временем. Лицей в том числе для меня [17. С. 108].

Фактически задолго до написания Пушиным «Записок о Пушкине» они существовали уже в устном варианте, который сложился из бесед их автора с декабристами и Е.И. Якушкиным. Переписка с

друзьями-лицеистами и «устный» культурный контекст, в котором оживают лицейские традиции, во многом определяют восприятие Пушковым Сибири, судеб ее невольных жителей и поэтику его «сибирского» текста [19].

IV

Обратимся к рецепции Сибири Кюхельбекером. Как известно, он был освобожден из заключения в Свеаборгской крепости 14 декабря 1835 г. и отправлен на поселение в город Баргузин Иркутской губернии, куда прибыл 20 января 1836 г. [20. С. 96]. В письме к Пушкину от 12 февраля 1836 г. Кюхельбекер сообщает о своих первых впечатлениях «о Забайкальском крае или Даурской Украйне». Они связаны с климатическими, географическими и энтографическими особенностями юга Восточной Сибири. Ср.:

Во-первых, в этой Украйне холодно, очень холодно; во-вторых, нравы и обычаи довольно прозаические: без преданий, без резких черт, без оригинальной физиономии. Буряты мне нравятся гораздо менее кавказских горцев: рожи их безобразны <...> на стать нашей любезной отечественной литературы, – плоски и безжизненны. Тунгусов я встречал мало: но в них что-то есть: звериное начало (*le grincire animal*) в них сильно развито и, как человек-зверь, тунгус в моих глазах гораздо привлекательнее расчетливого, благоумного буряты. <...> Русские здесь почти те же буряты, только без бурятской честности, без бурятского трудолюбия. <...> Горы Саянские или, как их здесь называют, Яблонский хребет, меньше Кавказских, но, кажется, выше Уральских – и довольно живописны. О Байкале ни слова: я видел его под ледяною броней. Зато, друг, здешнее небо бесподобно: какая ясность! Что за звезды! [21. С. 493–494].

В этом отрывке Забайкалье сравнивается с такими регионами, как Украина и Кавказ, тоже подвергшимися внутренней колонизации [22. С. 384]. В восприятии Западной и Восточной Сибири писателем-декабристом важную роль играет фактор естественной границы: Уральские и Саянские горы. Местное население – буряты и тунгусы – сравниваются между собою, а также с кавказскими горцами и с русскими, живущими здесь, как национальные и нравственно-эстетические феномены. Сам факт присутствия русских в Забайкалье также рассматривается в контексте колониальной стратегии Российского государства, которое сочетало территориаль-

ную экспансию с сильной иммиграционной политикой [22. С. 382]. Наконец, это письмо Кюхельбекера, как и другие его письма другу-поэту, отличается выраженной литературоцентричностью и прочитывается в связи с формированием «лицейского текста» русской литературы.

В стихотворении поэта «19 октября 1836 года», посланном в письме Пушкину из Баргузина 18 октября 1836 г., а также таких его произведениях, как «Тени Пушкина», «19 октября 1837 года», «Три тени», «До смерти мне грозила смерти тьма», «Участь русских поэтов» и др., созданных в 1836–1846 гг., образ Сибири дается через преломление в индивидуальной судьбе ссыльного поэта и воспринимается как «темная даль», как «море темноты», как «край изгнания». Внешней границей сибирского региона выступает в них «Европы страж, седой Урал», а внутренними – «Енисей, и степи, и Байкал». Важно отметить, что в этих стихотворениях образы Овидия и Тассо соотносятся в сознании поэта один – с судьбой ссыльного Пушкина, другой – с десятилетием одиночного тюремного заключения Кюхельбекера до высылки его в Сибирь («Я стал знаком с Торкватовой судьбою»). Находясь в Сибири, лирический герой Кюхельбекера сравнивает свою жизнь, свою невозможность полностью посвятить себя творчеству с судьбой Тантала, испытывающего в подземном царстве вечный голод и жажду. Ср. в стихотворении «Два сонета»:

Но что? не я ли сам страдалец тот Тантал?
И я живал в раю; за чашею нектарной
Молитв и песней я на небе пировал!

И вот и я, как он, с Олимпа в бездну пал;
Бежит от уст моих засохших вал коварный;
Ловлю – из-под руки уходит плод янтарный! [21. С. 115].

Можно сказать, что противопоставление Европы (Париж), столицы России (Петербурга) и Сибири в стихотворениях Кюхельбекера, написанных в ссылке, получает преимущественно эстетическое преломление и осознается им как невозможность всецело отдаться поэзии, поэтическому творчеству («Отняли время и досуг творить»). Воплощением этой ситуации на уровне мифопоэтики становится образ Тантала, низвергнутого с Олимпа в «бездну». В этой связи пространственное восприятие Сибири в стихотворениях поэта соотносится с вертикалью, где «край из-

гнания» оказывается тождественным «бездне», «аду», а Западная Европа и европейская часть России – «раю» [23].

Одновременно в рецепции Сибири Кюхельбекером значимым оказывается и религиозный контекст. Так, например, в письме к племяннице Наталье Григорьевне Глинке от 1 июня 1839 г. из Баргузина он сообщает:

Сеяли мы пшеницу 1 мая рано поутру... <...> вдруг перед начатием посева мой товарищ стал креститься на восход солнца, я и брат его и сестра также, он стал кланяться в землю, мы за ним. Признаюсь, давно никакая молитва не производила на меня такого впечатления: мне казалось, что ожило время патриархов, время Авраама, когда под открытым небом приносили жертву Всемогущему [24. С. 74–75].

Сибирь в этом письме сравнивается с древней землей Ханаанской времен Авраама, Исаака и Иакова. В книге «Бытия» Авраам, как известно, приносил жертвы Яхве у дубравы Мамре близ Хеврона, с ним Яхве заключил «завет вечный в том, что Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя; и дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владение вечное» (17. С. 7–8); важно и то, что священник Всевышнего Мельхиседек благословил Авраама дарами хлеба и вина, которые выступают прообразами причастия [25. С. 26]. Образ Авраама, к которому поэт впервые обращается еще в лицейском стихотворении «Бессмертие есть цель жизни человеческой» (1814), прочитывается здесь во многом как автоописательная метафора сибирской жизни поэта с его «духовной жаждой», тоской по «поэтическому» и вынужденным занятием самой «прозаической прозой»: земледелием и скотоводством. Упоминания об этом содержатся в дневнике и лирике Кюхельбекера. Ср.:

Слава Богу, я, говоря по-сибирскому, сегодня отстрадался, т.е. кончил жатву и сенокос.

С 18-го <ноября> по нынешний день жил я в Варашанте и молотил хлеб.

Я <...> сегодня <...> высеял пять пудов хлеба.

Прожил я 8 дней в Арашанте, пользовался водами и сеял хлеб; кроме того, прочел я там романы: де Санглена «Клятва на гробе», Зубова «Астролог Карабахский», чей-то «Ужасный брак», да перечел «Дочь купца Жолобова». Лучший из всех последний.

Сегодня у меня на пашне служили молебен: хлеб мой, слава Богу, очень недурен [26. С. 387, 393, 401, 402, 411].

Ср. в лирике поэта:

Работы сельские приходят уж к концу,
Везде роскошные златые скирды хлеба;
Уж стал туманен свод померкнувшего неба,
И пал туман и на чело певцу... [26. С. 430].

Благодаря религиозному началу в творчестве поэта формируется «высшая», «вневременная» точка зрения в рецепции Сибири, которая во многом связана с обращением поэта к метаистории, к Вечности и преломляется, в частности, через особенности авторского восприятия пространства. Так, в дневнике Кюхельбекер неоднократно описывает одну и ту же пространственную модель: вид на окружающую природу с горы или возвышенности, которая метафорически соотносится с «позицией сверхзнания», с «даром сверхвидения», которым обладает поэт в силу своей причастности особой касте избранных – поэтическому братству [27. С. 62]. Ср.:

Сегодня я был на горе довольно высоко; искал своего быка, да и нашел. При этом случае удалось мне насладиться прекраснейшим видом: все окрестные деревни и город, как на блюде.

Вчера я был на Елозиной горе; вид с нее хорош...

Ходил я с девицами на Козлову гору и дорогой рассказывал им сказку Гофмана «Der Sandmann» («Песочный человек»). Вид с горы хорош, но не так обширен, как с Елозиной. Флора здешняя прелестна.

... сегодня я был на Козловой горе. Спустился с довольно крутого гладкого спуска в ложину предикую, преуединенную, в которой даже птицы почти не пугались меня. Вид с горы прекрасный [26. С. 369, 375, 381, 406].

Такое восприятие пространства в творчестве Кюхельбекера раскрывает «сопряжение реальности земной и надмирной», передает неразрывную связь эстетического и религиозного дискурсов [28. С. 199]. Оно во многом определяет его рецепцию Сибири («край изгнания», «Сибирская Италия», Ханаанская земля); его философию судьбы «изгнанника поэта», одинокого певца, забытого всеми, испытывающего постоянные противоречия между поэтическим началом и «духом зем-

ли»; философию творчества, соотносимую с образами Тассо, царя Давида из одноименной поэмы, Тантала, Прометея.

Восприятие Сибири Кюхельбекером неотделимо от имени Пушкина, поэтов пушкинского круга, образа Лицея и лицейских годовщин. Можно сказать, что в его дневнике 1836–1845 гг. представлен своего рода сибирский вариант «лицейского текста», преломляющийся через индивидуальную судьбу и творчество ссыльного поэта-декабриста. См., например,:

Сегодня день рождения покойного Пушкина. Сколько тех, которых я любил, теперь покойны!

В душе моей всплывает образ тех,

Которых я любил, к которым ныне

Уж не дойдет ни скорбь моя, ни смех.

Пережить всех – не слишком отрадный жребий! (запись от 26 мая 1840 г., Акша).

Кюхельбекер в Акше получил письмо от Жуковского из Дармштадта, и письмо, которое показывает высокую, благородную душу писавшего. Есть же, Боже мой, на твоём свете – люди! Сверх того, он прислал мне свои и Пушкина сочинения (от 9 ноября 1840 г., Акша).

Сегодня 30 лет со дня открытия Лицея. Теперь всем моим товарищам (оставшимся в живых) за сорок лет. Из тридцати тогда поступивших в Лицей <...> осталось <...> всего двадцать (от 19 октября 1841 г., Акша).

Тому 27 лет назад, 28-го мая, в день св. Вильгельма, т.е. в мои именины, и вместе тогда было Вознесение, как и вчера, сидел я в карцере и чуть было не был выключен из Лицея. Майские мои несчастья начались рано: в мае 1817 г., напр., моя ссора с Малиновским и горячка, следствие этой ссоры; да побег из больницы в пруд Алесандровского сада, где я чуть-чуть не утопился (от 29 мая 1842 г., Акша).

Вчера у меня был такой гость, какого я с своего свидания с Матюшкиным еще не имел во все 17 лет моего заточения, – Николай Пущин! <...> у него душа та же – пущинская, какая должна быть у брата Ивана Пущина (от 17 августа 1842 г., Акша).

Сегодня я ничего не читал, а написал письмо Малиновскому и переписывал «Толкование молитвы господней» (от 1 апреля 1845 г., Курган, «Толкование» было составлено Кюхельбекером и адресовано великому князю Александру Николаевичу. – И.П.).

Сегодня день рождения покойного Пушкина (от 26 мая 1845 г., Курган) [26. С. 380, 392, 407, 411, 422, 429].

По верному замечанию современной исследовательницы, в дневнике Кюхельбекера отражен «процесс возрастания человека духовного, который стремится возвыситься над телесно-душевной сферой, страдает от состояния «плотью дух мой подавлен», «грудь не вечностью полна» [29. С. 84]. В его «лицейском тексте» 1830–1840-х гг. структурообразующими оказываются образы Лицея (дома), поэзии (книги), лицейского круга (посвященных), Пушкина, которые дублируются и получают экзистенциальное прочтение через описание сибирского дома поэта в Баргузине, Акше, в деревне Смолино Курганского округа, Тобольске, через автобиографические и мифопоэтические образы поэта-изгнанника, через упоминание о членах его малой семьи и большой семьи ссыльных декабристов. Хронотоп этого текста организуется противопоставлением-сопоставлением центра и периферии, европейской части России и Восточной, а затем Западной Сибири. Временными координатами в нем выступают 19 октября, 26 мая – день рождения Пушкина, 10 июня – день рождения Кюхельбекера и 28 мая – день св. Вильгельма или Гильома Желонского (ок. 750–812), графа Тулузы.

Как видим, восприятие Сибири Кюхельбекером преломляется через его экзистенциальный опыт ссыльного, одинокого и непонятого (непрочитанного) поэта, как он пишет об этом, в частности, в дневнике 16 сентября 1842 г.:

Если человек был когда несчастлив, так это я: нет вокруг меня ни одного сердца, к которому я мог бы прижаться с доверенностью [26. С. 411].

В целом же сибирский период жизни и творчества поэта получает преимущественно религиозно-эстетическую трактовку. В этой связи и смерть поэта в переписке декабристов тоже осмыслиется в данном ключе. См., например, письмо С.П. Трубецкого А.Ф. Бригену от 16 сентября 1846 г. из Оёка. В нем Трубецкой пишет:

Известия твои о Вилг<ельме> Кюх<ельбекере> подтверждаются письмами из Тобольска. Он, кажется, не жилец на сем свете, и я полагаю, что его убивает поэтическая страсть его. Если б он имел частицу прозы своего брата, то был бы здоровее. Поэты с горячими чувствами долго не живут. Долго жили Гёте, Вольтер, люди холодные [30. С. 175–176].

Подводя итог, следует сказать, что восприятие Сибири лицеистами пушкинского выпуска раскрывается через разные поведенческие и культурно-рецептивные модели. Позиция Илличевского, осознающего себя столичным жителем в провинции, связана с выстраиванием диалога между центром и сибирским регионом, между «большой» литературой и отдельными «локальными» текстами на пространстве Российской империи. Реформаторская деятельность Сперанского в Сибири имела целью осуществить ее интеграцию в состав России на правах полноценной территории с современными методами управления и хозяйствования. Офицер-исследователь Матюшкин занимался изучением северо-восточных районов Сибири и был сторонником цивилизующей роли Российской империи по отношению к присоединенным окраинам. Восприятие Сибири декабристами Пушным и Кюхельбекером тесно связано с их экзистенциальным опытом. Если для Пушина этот опыт осознается как внутреннее родство с родной семьей, оставшейся в центральной России, и одновременно с многочисленной семьей ссыльных, выполняющих культуртрегерские задачи, то для Кюхельбекера Сибирь в большей мере воспринимается как освоение им в условиях ссылки разных социальных ролей и поведенческих практик (поэт, муж, отец, брат, учитель, крестьянин-землепашец).

Рецепция Сибири лицеистами пушкинского выпуска неотделима от «лицейского текста» как особой словесной и поведенческой модели в русской культуре первой половины XIX в. Образы Лицея, лицейского братства, лицейских годовщин, имя Пушкина и его произведения, образы и судьбы лицеистов выполняют здесь сюжетобразующую, текстопорождающую и коммуникативную функции. Доминантой этого текста становится преобладающее эстетическое отношение к миру, человеку и слову.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 31. 1810–1811. СПб., 1830. № 24325 от августа 12. С. 310–323.
2. Поплавская И.А. Царскосельский лицей: две модели культурного строительства // Вестн. Том. гос. ун-та. 2003. № 277. С. 99–102.
3. Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1887. Т. 13, № 4. 320 с.
4. Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Вып. 31–32.

5. Дельвиг А.А., Кюхельбекер В.К. Избранное / сост., вступ. ст., биогр. очерки и примеч. В.В. Кунина. М.: Правда, 1987. 640 с.
6. Герилев Д.Н., Дуреева Н.С. Роль реформ М.М. Сперанского в управлении Сибирью // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 413. С. 88–93.
7. Поплавская И.А. Лицейсты пушкинского выпуска в Томске: (К проблеме формирования сибирской культуры в первой половине XIX века) // От Карамзина до Чехова: к 45-летию научно-педагогической деятельности Ф.З. Кануновой. Томск, 1992. С. 117–134.
8. Поэты 1820–1830-х годов: в 2 т. Л.: Сов. писатель, 1972. Т. 1. 792 с.
9. Илличевский А.Д. Опыты в антологическом роде // Лирика лицейстов / вступ. ст., сост. и примеч. А. Утренева. М., 1991. 269 с. [Электронный ресурс]: URL: http://az.lib.ru/i/illichevskij_a_d/text_0020.shtml
10. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1988. 544 с.
11. Геворкян С.Г. Офицеры русского Военно-морского флота у истоков отечественного мерзотоведения // Пространство и время. 2011. № 3(5). С. 194–202.
12. Корф М. Жизнь графа Сперанского: в 2 т. СПб., 1861. Т. 2. 388 с.
13. Русский архив. 1868. № 11. С. 1681–1811.
14. Письма Ф.Ф. Матюшкина из Сибири // Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. М., 1948. С. 347–403.
15. Мнемозина. 1824. Ч. 1. С. 172–176.
16. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. М.: Изд-во Главсевморпути, 1948. 454 с.
17. Пуцин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М.: Худож. лит., 1988. 559 с.
18. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
19. Поплавская И.А. Сюжетная поэтика писем И.И. Пуцина // Сибирский текст в русской культуре: сб. ст. Томск, 2002. С. 31–36.
20. Декабристы: Биографический справочник. М.: Наука, 1988. 465 с.
21. Кюхельбекер В.К. Сочинения / сост., подгот. текста, коммент. В. Рака, Н. Романова; вступ. ст. Н. Романова; коммент. В. Рака, Н. Романова. Л.: Худож. лит., 1989. 576 с.
22. Эткинд А.М. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 448 с.
23. Строев А.Ф. Мифы о Сибири в эпоху Просвещения // Сибирско-французский диалог XVII–XX веков и литературное освоение Сибири. Материалы международного научного семинара / под ред. Е.Е. Дмитриевой, О.Б. Лебедевой, А.Ф. Строева. М., 2016. С. 33–48.
24. Декабристы и их время: Материалы и сообщения / под ред. М.П. Алексеева, Б.С. Мейлаха. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 381 с.
25. Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1997. Т. 1. 672 с.
26. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. 780 с.
27. Ложкова Т.А. «Ямбы» В.К. Кюхельбекера как лирический цикл // Урал. филол. вестн. 2016. № 4. С. 56–69.
28. Сидорин Е.Ю. Сонеты В.К. Кюхельбекера: опыт реконструкции религиозно-го контекста // Вестн. Кем. гос. ун-та. 2013. № 3 (55). Т. 1. С. 196–200.
29. Осанкина В.А. Библейский псалом в поэзии В.К. Кюхельбекера // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 1998. № 1, т. 2. С. 78–86.

30. *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности: в 2 т. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. Т. 2. 602 с.

SIBERIA AS PERCEIVED BY TSARSKOYE SELO LYCEUM GRADUATES OF THE PUSHKIN'S ERA

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2017, 8, pp. 84–106. DOI: 10.17223/24099554/8/5

Irina A. Poplavskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: poplavskaj@rambler.ru

Keywords: Siberia, perception, lyceum students, Pushkin's era A.D. Illichevsky, F.F. Matyushkin, I.I. Pushchin, V.K. Küchelbecker, M.M. Speransky, the "lyceum text" of Russian literature.

The research is supported by Russian Foundation of Basic Research (RFBR) Grant No. 17-14-70002 a (p) "Russian writers in Tomsk: Tomsk local text and regional literary process".

The perception of Siberia by four Tsarskoe Selo Lyceum graduates of the Pushkin's era reveals various ideological, behavioural and aesthetic concepts related to the imperial, colonial and national components in Russian history and literature of the first half of the 19th century. A.D. Illichevsky (1798–1837), whose father was governor in Tomsk, lived in Siberia in 1818–1821, where he perceived himself as a frontier man and constructed his behaviour according to the model of a "Petersburger in the province", pursuing cultural goals. His poems and letters form the basis for the cultural myth about the Lyceum and its students of the Pushkin's era. M.M. Speransky (1772–1839), the "godfather" of the Lyceum and Siberian Governor-General in 1819–1821 and the author of the "Siberian Code" intended to change Siberia with the help of reforms, to turn this huge space from the colonised outskirts into a full-fledged territory within the Russian Empire similar to its European part.

The cooperation with Speransky and G.S. Batenkov (1793–1863) in the development and management of Western and Eastern Siberia had a great influence on the perception of this region by Illichivsky and F.F. Matyushkin (1799–1872). As an officer and researcher, Matyushkin is perceived simultaneously as an ideologist and practitioner in the development of new territories of the Russian Empire. In his reception of Siberia Matyushkin focuses on its colonial status and lagging behind the centre in terms economy and culture, that is why he sees Siberia as "Russia in a hundred years."

In the perception of Siberia, he also adhered to the transcontinental concept, according to which Western and Eastern Siberia could become the centre of a united Euro-Asian-American continent, a connecting space between the Old and New Worlds. Matyushkin's letters about his stay in Siberia in 1820–1823 resemble a travel diary and reveal the writer's individual experience of space and time in Siberia in their mutual correlation and in comparison with Central Russia. Of all the Lyceum graduates of the Pushkin's era, the Decembrists I.I. Pushchin (1798–1859) and V.K. Küchelbecker (1797–1846) had the longest connection with Siberia. Pushchin, who had lived in Siberia for thirty years, from 1827 to 1856, perceived it through the image of the family. In exile, he first perceived Siberia as a prison house, a "family of prisoners", "Petrovsky zavod Union." Later, in 1839–1855, living on a settlement in Turinsk and Yalutorovsk, he wrote about the "Siberian family",

“inmates”, the craft brotherhood. In Pushchin’s federalist project of 1845, Siberia is drawing closer to the American States.

The basis for this convergence is the absence of serfdom in it and the availability of rich natural resources. Küchelbecker’s perception of Siberia is refracted through his existential experience and receives a predominantly aesthetic interpretation, connected with the inability to give himself entirely to poetry and poetic creativity (“They took my time and leisure, so I cannot create”). In his reception of Siberia Küchelbecker assigned an important role to the religious and philosophical principle, due to which his poetry developed a “higher”, “timeless” point of view, which is in many respects connected with the poet’s appeal to metahistory and Eternity. This stance is revealed, in particular, through the peculiarities of the author’s perception of space.

The reception of Siberia by the Lyceum graduates of the Pushkin’s era is inseparable from the “Lyceum text” as a special verbal and behavioural model in Russian culture of the first half of the 19th century. The images of the Lyceum, the Lyceum brotherhood, anniversaries, Pushkin’s name and his works, the images and destinies of the lyceum graduates have plot-forming, text-generating and communicative functions. The dominant of this text is the prevailing aesthetic attitude towards the world, man and word.

References

1. Russia. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Vol. 31. St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo velichestva kantselyarii. pp. 310–323.
2. Poplavskaya, I.A. (2003) Tsarskosel’skiy litsey: dve modeli kul’turnogo stroitel’sstva [Tsarskoye Selo Lyceum: Two models of cultural construction]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta - Tomsk State University Journal*. 277. pp. 99–102.
3. Grot, Ya.K. (1887) Pushkin, ego litseyskie tovarishchi i nastavniki [Pushkin, his lyceum comrades and tutors]. In: Kondakov, N.P. (ed.) *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk* [Collection of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 13(4). St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
4. Modzalevskiy, B.L. et al. (1927) *Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniya* [Pushkin and His Contemporaries: Materials and Research]. Issue 31–32. Leningrad: USSR Academy of Science.
5. Delvig, A.A., Küchelbecker, V.K. (1987) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Pravda.
6. Gergilev, D.N. & Dureeva, N.S. (2016) The role of M.M. Speransky’s reforms in the administration of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 88–93. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/413/14
7. Poplavskaya, I.A. (1992) Litseisty pushkinskogo vypuska v Tomske: (K probleme formirovaniya sibirskoy kul’tury v pervoy polovine XIX veka) [Lyceum students of the Pushkin’s era in Tomsk: (To the problem of the formation of Siberian culture in the first half of the 19th century)]. In: Yanushkevich, Ya.S. (ed.) *Ot Karamzina do Chekhova: k 45-letiyu nauchno-pedagogich. deyatel’nosti F.Z. Kanunovoy* [From Karamzin to Chekhov: To the 45th anniversary of research and teaching activities of F.Z. Kanunova]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 117–134.
8. Kiselev-Sergenin, V. (ed.) (1972) *Poety 1820 – 1830-kh godov: v 2 t.* [Poets of the 1820s-1830s: In 2 vols]. Vol. 1. Leningrad: Sovetskiy pisatel’.

9. Illichevskiy, A.D. (1991) Opyty v antologicheskome rode [Anthological Experiments]. In: Utrennev, A. (ed.) *Lirika litseistov* [Lyric of the Lyceum Students]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [Online] Available from: http://az.lib.ru/i/illichevskij_a_d/text_0020.shtml.
10. Chereyskiy, L.A. (1988) *Pushkin i ego okruzhenie* [Pushkin and his Entourage]. Leningrad: Nauka.
11. Gevorkyan, S.G. (2011) Ofitsery russkogo Voenno-Morskogo flota u istokov otechestvennogo merzlotovedeniya [Officers of the Russian Navy at the source of Russian permafrost]. *Prostranstvo i vremya*. 3(5). pp. 194–202.
12. Korf, M. (1861) *Zhizn' grafa Speranskogo: v 2 t.* [The Life of Count Speransky: In 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Izdanie Imperatorskoy publichnoy biblioteki.
13. *Russkiy arkhiv*. (1868). 11. pp. 1681–1811.
14. Matyushkin, F.F. (1948) Pis'ma F.F. Matyushkina iz Sibiri [Letters of F.F. Matyushkina from Siberia]. In: Wrangel, F.P. *Puteshestvie po severnym beregam Sibiri i Ledovitomu moryu* [A trip along the northern shores of Siberia and the Arctic Ocean]. Moscow: Glavsevmorput. pp. 347–403.
15. *Mnemozina*. (1824) 1. pp. 172–176.
16. Wrangel, F.P. (1948) *Puteshestvie po severnym beregam Sibiri i Ledovitomu moryu* [A trip along the northern shores of Siberia and the Arctic Ocean]. Moscow: Glavsevmorput.
17. Pushchin, I.I. (1988) *Zapiski o Pushkine. Pis'ma* [Notes on Pushkin. Letters]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
18. Tyupa, V.I. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o “sibirskom tekste” russkoy literatury [Mythology of Siberia: On the “Siberian text” of Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Philological Journal*. 1. pp. 27–35.
19. Poplavskaya, I.A. (2002) Syuzhetnaya poetika pisem I.I. Pushchina [The plot poetics of I.I. Pushchin's letters]. In: Kazarkin, A.P. (ed.) *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture* [Siberian Text in Russian Culture]. Tomsk: Sibirika. pp. 31–36.
20. Nechkina, M.V. (ed.) *Dekabristy. Biograficheskiy spravochnik* [The Decembrists. A Biographical Reference Book]. Moscow: Nauka.
21. Küchelbecker, V.K. (1989) *Sochineniya* [Works]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
22. Etkind, A.M. (2014) *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Inner Colonisation. Imperial Experience of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
23. Stroeve, A.F. (2016) Mify o Sibiri v epokhu Prosveshcheniya [Myths about Siberia in the Enlightenment]. In: Dmitrieva, E.E., Lebedeva, O.B. & Stroeve, A.F. (eds) *Sibirsko-frantsuzskiy dialog XVII – XX vekov i literaturnoe osvoenie Sibiri* [Siberian-French Dialogue of the 17th – 20th centuries and the literary development of Siberia]. Moscow: IMLI. pp. 33–48.
24. Alekseev, M.P. & Meylakh, B.S. (eds) (1951) *Dekabristy i ikh vremya: Materialy i soobshcheniya* [Decembrists and Their Time: Materials and Reports]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
25. Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2-kh t.* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 1. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
26. Küchelbecker, V.K. (1979) *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i* [Journey. A Diary. Articles]. Leningrad: Nauka.

27. Lozhkova, T.A. (2016) "Yamby" V.K. Kyukhel'bekera kak liricheskiy tsikl [V.K. Küchelbecker's iambs as a lyrical cycle]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik – Ural Journal of Philology*. 4. pp. 56–69.
28. Sidorin, E.Yu. (2013) Sonety V.K. Kyukhel'bekera: opyt rekonstruktsii religioznogo konteksta [Sonnets of V.K. Küchelbecker: experience of reconstructing the religious context]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(55). pp. 196–200.
29. Osankina, V.A. (1998) Bibleyskiy psalom v poezii V.K. Kyukhel'bekera [A Biblical psalm in the poetry of V.K. Küchelbecker]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(2). pp. 78–86.
30. Trubetskoy, S.P. (1987) *Materialy o zhizni i revolyutsionnoy deyatel'nosti: v 2 t.* [Materials about Life and Revolutionary Activity: in 2 vols]. Vol. 2. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.